

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

АКАЕВ Вахит Хумидович

доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела гуманитарных исследований
Комплексного научно-исследовательского института
имени Х. И. Ибрагимова РАН,
действительный член Академии наук Чеченской Республики,
Россия, Грозный

Vahit Kh. AKAIEV

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Chief Researcher, Department of Humanities,
Complex Research Institute, Russian Academy of Science,
Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic,
Grozniy, Russia
akaiev@mail.ru

Ментальность народов Кавказа в исследованиях Яна Чеснова: философско-антропологический анализ

В статье рассмотрены философско-антропологические аспекты концепции культурогенеза выдающегося российского антрополога Я. В. Чеснова (1937–2014). Изучая процесс культурогенеза, ученый представляет его как единый мыслеобраз, позволяющий понять глубинные ценности народа. Обычаи, традиции, ментальные особенности изучаются в тесной связи с природой, ландшафтом, со всем ареалом природного и социокультурного существования. Постижение формы культур как составляющей части существования формирует их внутренние взаимоотношения, этноментальные особенности народов. Анализируя этнологические, антропологические поиски Я. В. Чеснова автор отдельное внимание уделяет осмыслению образа жизни чеченцев, их ментальных, психологических особенностей, выявлению глубинного смысла этических ценностей которыми они руководствуются. Центральной проблемой исследований Я. В. Чеснова выступает человек с его нравственностью, ментальными особенностями и экзистенциальными проблемами, имеющими как локально-региональный, так и глобально-универсальный характер.

Ключевые слова: Я. В. Чеснов, культурогенез, народная культура, ментальность, обычаи, традиции, народы Кавказа, чеченцы.

Mentality of the Peoples of the Caucasus in the Studies of Jan Chesnov: Philosophical Anthropological Analysis

In the article the philosophical and anthropological aspects of the concept of culturogenesis of the outstanding Russian anthropologist Yan V. Chesnov (1937–2014) are considered. Studying the process of culturogenesis, the scientist presents it as a single thought-image, which makes it possible to understand the deep values of the people. Customs, traditions, mental features are studied in close connection with nature, landscape, with the whole range of natural and socio-cultural existence. Comprehension of the form of cultures as a component part of existence forms their internal relationships, ethnic features of peoples. Analyzing the ethnological, anthropological searches of Yan V. Chesnov, the author pays special attention to understanding the way of life of Chechens, their mental, psychological features, revealing the deep meaning of ethical values by which they are guided. The central problem of Jan V. Chesnov's research is a person with his morality, mental characteristics and existential problems, which have both a local-regional and a global-universal character.

Keywords: Jan V. Chesnov, culture, popular culture, mentality, customs, traditions, the peoples of the Caucasus, Chechens.

Изучая народную культуру, Ян Чеснов высказывает мысль о том, что на ее уровне нет абстрактных понятий, а есть ментальные организованности «как бы понятия», имеющие всегда избирательный характер. Под такими организованностями, надо полагать, понимаются представления, образы, мыслеобразы. Рассматривая феномен культуругенеза, он утверждает, что в нем задействованы природное начало и целевой образ, что создает единый мыслеобраз. Отсюда такое понимание народной культуры, прилегающей к природе и работающей мыслеобразами [3, с. 45].

Антропологическим основаниям народной культуры, по его мнению, является биоэтический статус человека [3, с. 31]. В субстанции человека есть элементы растения, животного и минерала. В народной культуре онтология человека расширяется до пределов Вселенной... Поэтому он приходит к мысли, что народная культура не нормативна, биоэтична» [3, с. 40]. Он пишет, что «народная культура как самостоятельная система ориентаций в мире онтологична», она восприимчива и переменчива, ее метафизика ситуативна [3, с. 45]. Такую культуру он изучал в течение многих лет своих этнографических экспедициях на Кавказе – Грузии, Абхазии, Балкарии, Чечне и в др. регионах страны.

Обычаи, традиции, ментальные особенности абхазов, абазин, балкарцев, грузин, кабардинцев, карачаевцев, чеченцев и ингушей он изучал в тесной связи с природой, ландшафтом, со всем ареалом их природного и социокультурного существования. Формы культур этих народов – составная часть их существования, а антропология их гармонична с климатом, ландшафтом. Образ жизни кавказцев, как и у многих народов мира, гармоничен с природой, формирует их внутренние взаимоотношения, этноментальные особенности.

Русалки, дочь бога охоты, описываемые им в мифологии абхазов, балкарцев, не являются компонентами пралогического мышления, ибо они результат того, что мышление этих этносов облачено в онтологическое сознание, как следствие наличия в человеке разумной души. Интересны наблюдения и выводы Яна Чеснова об этике народов Северного Кавказа, определяемой им, как косвенную коммуникацию.

В качестве демонстрации своей позиции он приводит пример из еще не систематизированной этической культуры чеченцев: отец ругает ни в чем не повинную дочь вместо того, чтобы сделать замечание снохе. Между тем этот этический сюжет зафиксирован в поговорке чеченцев, которая звучит: «Ала йо1е, хазийта несе» («Скажи дочери, чтобы услышала сноха»). Смысл этой народной поговорки в том, что отцу как старшему в семье, не подобает делать замечание снохе, поскольку она недавно пришла из другой семьи, где имеются свои порядки, обычаи. Снохе нужно время, чтобы она успешно адаптировалась к локальным ценностям новой семьи, а потому старший, чтобы ее не обидеть, но, она призадумалась над допущенной ею ошибкой и больше ее не повторила, строго делает замечания своей дочери. Но виновата ли дочь в ошибке снохи? С точки зрения отца семейства – да, поскольку дочь не объяснила снохе порядки в новой семье. При этом нужно отметить, что каких-то особых ошибок сноха не допускает, ибо она, как и все девушки, проходит школу этикета в своей семье под руководством матери, наблюдая жизнь соседей, родственников.

Этнологические, антропологические поиски Яна Чеснова заточены на изучение основательного понимания образа жизни чеченцев, их ментальных, психологических особенностей, выявление глубинного смысла этических ценностей которыми они руководствуются.

Однажды, как он сам пишет, попадает в неловкое положение. Во время первых военных действий в Чечне, в родовом селе его московского друга, на пикник собирается компания. У костра в присутствии родственника жены, современного молодого человека, приехавшего из Санкт-Петербурга, Ян спрашивает своего друга, как он относится к женщинам. Последовала мгновенная психологическая реакция, друг встает, отходит в сторону и садится у обрывистого берега реки. Почувствовав неладное, Ян подходит к нему, а московский друг произносит: «Нет, все-таки ты не чеченец».

Почему такая жесткая реакция, что это означает, в чем ее смысл? Какое значение вкладывает в свое выражение московский друг Я. Чеснова? Что это – разочарование, оскор-

бление, высокомерие, снисхождение? Здесь нужно основательная интерпретация.

Начнем с того, что вопрос Яна является профессиональным, интеллектуальным, ибо он изучает народную этику, взаимоотношения мужчины и женщины в традиционном чеченском обществе и через это стремиться понять ментальность этноса. И это его исследовательская задача. И он волен задать любой вопрос, приближающий его к решению задачи. Но дело в том, что в народной культуре чеченцев имеются темы, не подлежащие обсуждению, скажем, табуированные тематизмы. В силу этого Ян признает, что его вопрос был не уместным, бестактным.

Подобные вопросы, особенно в присутствии родственников жены, своих родственников да и не родственников, чеченцы не допускают, никогда не обсуждают. Существует табу и на мат в адрес матери, сестры, жены. С самого детства это известно представителю этого этноса.

Признанием своей ошибки с точки зрения этики чеченцев он проводит демаркационную линию между культурой своего друга и своей собственной, как ученого, антрополога, пытающегося понять глубинные ценности народа, которого он полюбил, и который его принял. Ян хотел добраться до основания народной культуры, этического кодекса чеченцев. Хотя это практически невозможно, но нужно признать, что он в этом вопросе превзошел всех, кто осмысливает эти феномены.

В чеченских семьях учат вежливости, этикету, уважительному отношению к старшему, этической корректности. Употреблять выражения, оскорбляющие личность, использовать злословие просто недопустимы, хотя бывают, как говорится, исключения из правил. Как-то известный в стране режиссер, объясняя воинственность, агрессивность чеченцев, заявлял, что чеченцы кладут под подушку ребёнка кинжал. Режиссер в данном случае действует по принципу: слышал звон, но не знает где он. Не имея соответствующими этнографическими наблюдениями и знаниями о чеченских семьях, не зная традиции их семейного воспитания, он делает ошибочный вывод. Кинжал имел совершенно иные функции, его носили мужчины, но никак не клали под

подушку, спящему ребёнку. Между тем этот созданный режиссером мыслеобраз работает на усиление негативного экстраобраза чеченцев, который усиленно внедряли в российское общественное мнение отдельные политики и СМИ.

Изучая народную культуру Ян Чеснов приходит к выводу: «Для изучения целостности социальной жизни этнограф мобилизует свое не понятийное, а то мышление, в котором фигурируют «как бы понятия», т. е. в ментальном плане концепты (константы) самой культуры, а в плане реалий культуры «тематизмы... Различение констант и тематизмов – первый шаг работы этнографа» [3, с. 63].

Ментальность основывается на природном и культурном, эмоциональном и рассудочном, иррациональном и рациональном, индивидуальном и общественном феноменах. Ее содержание объемно, многогранно, многоуровнево.

У народов Кавказа в основном преобладают этнопсихологические и этноповеденческие типы, для которых характерны проявления чувств самого себя, сила воображения, большая чувствительность, культ предков, иллюзии, мифологемы и т.д. В их мышлении как ментальном проявлении имеет четкое место родовое, тайповое, групповое осознание, а в целом национальное осознание и соответствующая им деятельность. Что касается абстрактного мышления, теоретизирования, то это свойство ментальности не выражено четко в их легендах, преданиях, мифологии, фольклоре. Но это вовсе не означает, что они не могут рассуждать абстрактно, поступать рационально, разумно. Можно найти немало примеров высокого уровня их абстрактного мышления и рациональных деяний. Сознательные процессы ментальности кавказских этносов формируется активностью членов этноса, направленностью на предмет, предприимчивостью, осознанием своего «Я», самосознанием наконец-то.

Тематика, осуществленных исследований Я. В. Чесновым обширна, сопряжена с изучением образа жизни, быта, хозяйства, ментальности, мировидения, генезиса многих народов Кавказа. Он изучал восприятие ими времени и пространства, отношение к природе и

сверхъестественному, понимание возрастов человеческой жизни, трудовую мораль и отношение к богатству и бедности, мир эмоций – культурные феномены, обнаруживающиеся, проявляющиеся в человеческой личности.

Его обвиняли в том, что он идеализирует чеченцев, не придерживается негативного экстраобраза «злого чечена», хищника, разбойника, созданного в XIX в., который дополнялся современной убойной терминологией – бандит, террорист, исламист и пр. В условиях обвинения чеченцев во всех смертных грехах Я. Чеснов берет на себя смелость заявить: «Ведя этнографические работы в Чечне, я постоянно нахожу поразительные аналогии между чеченским и русским менталитетом» [3, с. 454].

Отвечая своим «обвинителям», он предлагал разобраться вот в чем: «Если исследователь решил заниматься этикой какого-то народа, то он совсем не обязан вникать и освещать, скажем, проблемы коррупции власти или уголовщины. Но он должен быть внимателен к общественному отношению к подобным вещам, названные пороки не менее нетерпимы в чеченской культуре, чем в какой-то другой». Ян Чеснов писал, что сейчас меняются и внутренние образы народов (интраобраз – представление народа о самом себе). Этнологическая наука играет в этом свою положительную роль. Что касается чеченцев, то наша наука призвана собрать воедино всю нравственную традицию народа, чтобы ему же ее вернуть, как свидетельство огромного культурного потенциала. Этнология и, особенно то ее направление, которое занимается народной этикой, служит будущему. Мировому сообществу пора обратить пристальное и доброжелательное внимание к одной из загадочных и прекрасных цивилизаций, которая дала человечеству свое понимание этики.

Ян Чеснов изучал чеченцев изнутри, но не так поверхностно-эkleктически, как, например, его коллега по цеху В. А. Тишков, сконструировавший чеченцев из этнографического мусора [2, с. 501–513]. Его мыслеобразы о чеченцах, а также позиция его критиков разнятся, ибо они используют разные методологии, разные понимания их культуры. И в этой связи вспоминается статья Клиффорда Гирца, в которой он определяет этнографию как

«насыщенное описание», для которой необходима сила научного воображения, открывающего нам жизнь, культуру чужого народа [1, с. 185]. Такое насыщенное описание в своих работах, посвященных народным культурам кавказцев, давал Ян Чеснов и сила его научного воображения поразительна.

Мысль ученого работает масштабно. Так, он пишет, что в *древнерусском и древнегреческом, чеченском и грузинском языках* представлено не историческое мышление (надо полагать, что он имеет ввиду линейное, движение от прошлого к настоящему), а осмысление виртуальных социально-нравственных проблем родины. И в этих вариантах выражена работа о совершенствовании человека [3, с. 469].

Я. В. Чеснов не описывает жилище, утварь, количество скота, политические процессы и пр. Он изучает этнос с его эзотеризмом, пытаясь выявить глубинное, потаенное, народную душу. В центре его исследования – человек, этнофор, которого нужно принять таким, какой он есть и понять его. Для этого он использует герменевтические приемы, сам же утверждает, что в своей работе применяет «скользящую, корректирующую методологию» [3, с. 5].

Опираясь на таких методологов науки, как Пол Фейерабенд, Томас Кун, Имре Лакатош, Николо Абаньяно, этнолога А. Редклиффа-Брауна, отечественного мыслителя М. М. Бахтина, он уделяет значительное внимание парадоксальности народной культуры. В качестве примера он приводит высказывание мужчины, который в Боровичах Новгородской области во время этнографической экспедиции, пустил Я. Чеснова на ночлег. На вопрос о взаимоотношениях мужчин и женщин в этом районе страны гостеприимный хозяин ответил: «Все бабы блудни, а мужики опойки» [3, с. 36]. И таких парадоксальных моментов в культурах народов России достаточно много и надо было быть Яном Чесновым, чтобы улавливать, осмысливать и вводить их в этнологический, культурологический дискурс.

Ему было ясно, что народная культура сосредоточена в умах и сердцах людей, а потому он уделял большое значение беседе, живому разговору, юмору, поговоркам, преданиям, общению, смеху, мужскому застолью.

Работы Яна сложно читать, ибо в его мыслях отсутствует строгая линейность, последовательность в формально-логической, школьной выразительности. Его мысль объемна, она набухает подобно почке на дереве, завязывает бифуркационные «энергетические узлы», разматывание которых позволит ученому предложить новый научный путь, создать новые концепции.

Использованная литература:

1. Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Т. 1.: Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга. 1997.
2. Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001.
3. Чеснов Я. В. Народная культура. Философско-антропологический подход. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014.

Надо полагать, что он шел к написанию фундаментальной работы о народной культуре, поместив в её центр человека с его душой, нравственностью, мировидением, ментальными особенностями, со всеми его экзистенциальными проблемами, имеющими как локально-региональные этнические особенности, так и глобально-универсальный характер.

References:

1. Geertz, K., «Nasyschennoe opisaniye»: v poiskakh interpretativnoy teorii kul'tury (Thick descriptions toward an interpretive theory of culture), *Antologiya issledovaniy kul'tury*, vol. 1.: *Interpretatsiya kul'tury*, Saint Petersburg: Universitetskaya kniga. 1997.
2. Tishkov, V. A., *Obshchestvo v vooruzhennom konflikte (etnografiya chechenskoy voyny)* (Society in the Armed Conflict (Ethnography of the Chechen War)), Moscow: Nauka, 2001.
3. Chesnov, Ya. V., *Narodnaya kul'tura. Filosofsko-antropologicheskiy podkhod* (Traditional Culture. Philosophical-Anthropological Approach), Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya", 2014.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Акаев, В. Х. Ментальность народов Кавказа в исследованиях Яна Чеснова: философско-антропологический анализ [Электронный ресурс] / В. Х. Акаев // Наследие веков. – 2017. – № 4. – С. 57-61. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/12/2017_4_Akaev.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Akaev, V. Kh., *Mental'nost' narodov Kavkaza v issledovaniyakh Yana Chesnova: filosofsko-antropologicheskiy analiz* (Mentality of the Peoples of the Caucasus in the Studies of Jan Chesnov: Philosophical Anthropological Analysis), *Nasledie Vekov*, 2017, no. 4, pp. 57-61. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/12/2017_4_Akaev.pdf Accessed Month DD, YYYY.